

РАБОТА А. С. ПУШКИНА НАД „ИСТОРИЕЙ ПУГАЧЕВА“

«Нельзя забывать, — писал в своё время Н. Г. Чернышевский, — что Пушкин, не будучи по преимуществу ни мыслителем, ни ученым, был человеком необыкновенного ума, чрезвычайно образованный; не только за тридцать лет назад, но и ныне в нашем обществе не много найдется людей, равных Пушкину по образованию»¹.

Таковыми словами великий русский революционер-демократ характеризует гения русской культуры А. С. Пушкина.

О необыкновенном уме, о разностороннем образовании и знаниях, о широком круге интересов Пушкина говорят не только его гениальные поэтические творения, но и письма, дневники, черновые наброски, записки, многочисленные заметки даже о самом обычном.

Исключительно широка, разнообразна тематика пушкинских записей. В них не последнее место занимает история.

Исторические произведения, записки и заметки Пушкина, не только свидетельствуют, но и убеждают в том, что Пушкин серьезно занимался историей России, глубоко знал историю своей Родины, своего народа.

Ни одно яркое событие прошлого, будь это движения народных масс или деятельность отдельных лиц, — ничто не ускользнуло от пристального внимания Пушкина.

Он интересовался и республиканским Новгородом, и борьбой русского народа с польско-шведской интервенцией, деятельностью и личностью Петра, и народными героями Разным и Пугачевым.

В 1833 году Н. М. Языков писал историку Погодину о Пушкине: «У нас был Пушкин с Яика — собирал-де сказания о Пугачеве... Заметно, что он вторгается в область Истории... собирает... писать историю Петра, Екатерины I и

¹ Сборник «Н. Г. Чернышевский. 1928, стр. 215.

далее вплоть до Павла первого»¹. Это письмо было написано под свежим впечатлением симбирской встречи с А. С. Пушкиным.

Интерес к истории, к прошлому русского народа у Пушкина не случаен. Он жил и творил в период бурных политических событий, в период социальных потрясений как в России, так и на Западе. Он встречался с участниками и свидетелями Французской революции, с участниками событий в Польше, близко общался с участниками Отечественной войны 1812 года, свидетелем которой он был сам, прямо или косвенно был связан с декабристами. Эти события повлияли на творчество Пушкина, отразились в его письмах к друзьям и знакомым, в дневнике и многочисленных заметках, сказались на взглядах и формировании политического сознания поэта.

Между декабристами и Пушкиным существовала идейная близость. «Пушкин, — пишет М. В. Нечкина, — не был декабристом, но история его политического сознания тесно связана с декабристами, и его революционные стихотворения сыграли большую идеологическую роль в декабрьском движении»².

Но не надо забывать, что Пушкин жил в период дворянской революционности, революционности классово-ограниченной.

В. И. Ленин, характеризуя деятельность декабристов, писал: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа»³.

Они боялись народных масс, являлись сторонниками военной революции.

Такой же классово-ограниченной была и революционность А. С. Пушкина.

После разгрома декабристов на Сенатской площади Пушкин не отошел от своих революционных взглядов, как это пытаются доказать многие исследователи, не примирился с существующими порядками и крепостническим гнетом, по-прежнему остался верен идеям декабристов.

Ярко свидетельствуют об этом и стихотворения поэта («Послание в Сибирь» и др.), и переписка его с декабристами, и встреча с ними в Закавказье.

---

¹ Литературное наследство. 16—18. 1934. Пушкин по документам архива М. П. Погодина, стр. 715.

² Вестник Академии Наук СССР. 2—3, 1937, стр. 151.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14.

Через два года после разгрома декабристов в стихотворении «Арион» Пушкин пишет:

«Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине,
На руль склоняясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чолн;
А я—беспечной веры полн,
Пловцам я пел. . . Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный. . .
Погиб и кормщик, и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою».

В замечательной строке: «Я гимны прежние пою. . .» — сказано все. Больше того, в своих политических взглядах Пушкин шел дальше, шел к демократическим идеалам.

«Пушкин начинает расти в сторону демократической революционности следующего этапа, определенного Лениным, — он устанавливает связи с Белинским и тяготеет к разнотемному кругу идей», — пишет М. В. Нечкина¹.

Этим объясняется стремление Пушкина к изучению социальных проблем, к написанию произведений, где народ играет значительную роль.

Ни строжайшая цензура, ни исключительная «опека» главного цензора — самого Николая I, ни контроль III отделения, ни многочисленные шпионы и доносчики, ни травля двора — ничто не помогло самовластью: Пушкин не отказался от социальных тем.

Пушкин, как и декабристы, изучал прошлое своей страны не потому, что хотел знать больше исторических фактов, а потому, что понимал, как без знания прошлого нельзя глубоко осмыслить настоящее и предвидеть будущее.

Поэтому изучение им петровской эпохи не носило академического характера, а имело сугубо практические цели: установив прогрессивный характер реформ Петра I и сравни-

¹ Вестник Академии Наук СССР, 2—3, 1937, стр. 152.

вая деятельность Петра и Николая I, Пушкин показал реакционность политики последнего и его правительства. Поэт глубоко интересовался судьбами русского народа. Не случайно, что Пушкин избрал тему «Бориса Годунова», где с исключительной художественной силой и яркостью изобразил события начала XVII века, периода ожесточенной борьбы русского народа с интервентами, борьбы и расправы крестьянских масс с крепостниками.

Пушкин, как и Радищев, протестовал против крепостничества и рабства, его голос громко прозвучал в защиту народных масс. Он был одним из первых среди русских писателей, поднявших темы народной жизни, жизни крестьянских масс.

По этому поводу А. М. Горький писал: «Поэты до Пушкина совершенно не знали народа, не интересовались его судьбой, редко писали о нем. Это придворные люди, вельможи, они всю жизнь проводили в столице и даже свои деревни посещали очень редко и на короткий срок. Когда же они изображали в своих стихах мужика, деревню — они рисовали людей кротких, верующих, послушных барину, любящих его, добродушно подчинявшихся рабству, деревенская жизнь рисовалась им, как сплошной праздник, как мирная поэзия труда. О Разине, Пугачеве — не вспоминали, это не сливалось с установленным представлением о деревне, о мужике»¹.

Пушкин глубоко интересовался народным творчеством, особенно тем, где отражался дух социального протеста, где действующими лицами являлись народные герои Разин и Пугачев.

Даже пушкинские сказки, сюжеты которых были взяты из народного творчества, содержат: «насмешливое отрицательное отношение народа к попам и царям. — Пушкин не скрывал этого, не затушевывал, а, напротив, оттенил еще более резко»².

В своих сказках поэт смотрел на прошлое и настоящее не с позиций классовой, дворянской ограниченности, его исторические взгляды были шире классового эгоизма. И хотя он еще и не пришел к полному убеждению, что народ является творцом истории, что народные движения носили прогрессивный характер, тем не менее он уже в то время видел их закономерность.

---

¹ Пушкин. Временник, 3. Академия Наук СССР, М.-Л. 1937, стр. 262—263.

² Там же, стр. 263.

Во время пребывания Пушкина на юге Н. Н. Раевский советовал ему написать историю разинского движения. Героические образы Разина и Пугачева не покидали поэта и в Михайловский период жизни. Он неустанно собирал фольклорные материалы, различные официальные и иные свидетельства о Разине.

Пушкин хотел восстановить подлинное лицо народного героя, с наибольшей достоверностью рассказать о жизни и борьбе Разина, о крестьянской войне XVII века.

В селе Михайловском Пушкиным были записаны песни о Степане Разине. В 1824 году из Михайловского поэт писал брату: «Ах, боже мой. Чуть не забыл. Вот тебе задача, историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории».

В другом письме того же года Пушкин просит брата прислать в Михайловское «Жизнь Емельки Пугачева»¹.

Неизвестно, получил ли Пушкин какие-либо материалы о Разине и Пугачеве, но в 1826 году он написал «Песни о Стеньке Разине», которые не были напечатаны.

«Песни о Стеньке Разине, — сообщил поэту Бенкендорф, — при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева».

Несмотря на всякие препоны и прямые запреты, Пушкин не оставил мысли о Разине. В пушкинских черновых набросках за 1831—1832 годы сохранился план издания русских исторических песен, где значатся такие исторические личности, как Иван Грозный, Петр I, Суворов и Степан Разин².

Впоследствии, собирая материалы о Пугачеве, Пушкин не оставлял без внимания и того, что касалось Разина.

В частности, в записках Пушкина отмечен такой факт. Пугачев, ожидая своего конца, сидел в Москве, на Менювом дворе, где его постоянно окружали любопытные из народа. Пугачев хорошо знал, что его ждет, но духом не падал, беседовал с людьми, бодрил их и однажды, якобы, рассказал: «Известно по преданиям, что Петр I во время персидского похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась не-вдалеке, нарочно к ней поехал и велел разметать курган, дабы увидеть хоть его кости».

¹ Русская Старина. 1879, октябрь, стр. 299.

² А. С. Пушкин. т. V. Критика, История, Автобиография, М.-Л. 1933, стр. 759.

Пушкин добавляет от себя: «Всем известно, что Разин был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева»¹.

Цензурные условия николаевского времени не позволили Пушкину провести параллели между Разиным и Пугачевым, хотя косвенные упоминания подтверждают это.

Во время своей поездки в Оренбургский край, в слободу Берду, Пушкин записал легенду от одной старухи о матери Разина: «В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое детище? Не ты ли мой Степушка? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?» И, видя лицо незнакомого, тихо отталкивала труп»².

В примечаниях к восьмой главе «Истории Пугачева» Пушкин проводит параллель между Разиным и Пугачевым, когда описывает казнь крестьянского вождя XVIII века: «Подробности сей казни разительны напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачевым почти в тех же местах и с такими же ужасными успехами»³.

Пушкин не покидал Разина и во время работы над Пугачевым. В декабре 1833 года в записке к А. С. Норову, владельцу крупнейшей библиотеки редких книг, поэт писал: «Отсылаю тебе, любезный Норов, твоего Стеньку» Через некоторое время Пушкин снова взял книгу обратно. В пушкинской записке возле слова «Стенька» сделана приписка рукою Норова: «Опять отдан Пушкину»⁴.

Ш. В. Модзалевский предполагает, что «Стенька» — это не что иное, как «Путешествие Стрьюса», где, как известно, голландский путешественник, очевидец крестьянской войны, видевший самого Разина, отвел несколько глав крестьянскому вождю и восставшим⁵.

В этой же записке к Норову поэт спрашивает редкую книгу «Стенька Разин донски казак».

Возможно, на основании народного творчества, печатных

---

¹ А. С. Пушкин, т. V, Критика, История, Автобиография, М.Л. 1933, стр. 779.

² А. С. Пушкин, П.С.С, в шести томах. т. V, М, 1936, стр. 457.

³ Там же, стр. 487.

⁴ Пушкин, Письма, т. III, 1935, стр. 114.

⁵ Ш. В. Модзалевский. Библиотека Пушкина. СПб, 1910, стр. 344.

материалов Пушкиным была написана поэма «Стенька Разин». Единственное упоминание об этой поэме есть у С. И. Шевырева в письме к С. А. Соболевскому 6 октября 1832 года: «Он (Пушкин — Н. Г.) написал поэму: Стенька Разин, кот(орая), кажется, не будет напечатана»¹.

До конца дней своих Пушкин занимался изучением Степана Разина. В 1836 году по просьбе французского литератора Леве Веймара Пушкин перевел одиннадцать русских песен на французский язык, отбирая для переводов только то, что, по его мнению, было самым значительным, самым важным. В числе этих песен—две о Степане Разине.

Пушкин не написал истории восстания под руководством Разина, но он является основоположником собрания разинского фольклора.

И если Пушкину не суждено было написать историю Разина, то он написал «Историю Пугачева».

Представители дворянской и буржуазной науки — Я. К. Грот, П. А. Ефремов и другие утверждали, что тема «Истории Пугачева» в творчестве Пушкина была случайной и вызвана чисто случайным внешним обстоятельством. П. А. Ефремов писал: «По недостатку ли полученных материалов или за недосугом, Пушкин так и не занялся историей Суворова, а разработал только один из ее эпизодов: пугачевский бунт, ограничившись при том одними полученными документами»².

А казанский профессор истории Фирсов Н. Н. прямо утверждал: «На историческую работу о Пугачеве поэт натолкнулся довольно случайно», или, «как это ни странно на первый взгляд, задуманная Пушкиным «История Суворова» привела поэта к «Истории Пугачева»³.

Это случайное обстоятельство, по объяснению Грота и его последователей, заключалось в том, что Пушкин при исследовании материалов о Суворове «случайно» обнаружил огромное число фактов о Пугачеве, что и возбудило интерес Пушкина к Пугачеву.

---

¹ Литературное наследство, 16—18, 1934, Пушкин по документам архива Соболевского, стр. 750.

² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, изд. В. В. Комарова, под ред. П. А. Ефремова, т. 6, 2 изд., СПб, 1887, стр. 416.

³ «Труды Я. К. Грота. т. III, СПб, 1901, стр. 119; Сочинения Пушкина, изд. императ. Академии Наук, т. XI, История пугачевского бунта, 1914, стр. 20 (статья Н. Н. Фирсова).

Пушкин оставляет тему о Суворове и переключается на исследование о Пугачеве.

Такое утверждение не отвечает исторической правде.

Не отвечает исторической правде и другое мнение, обратное первому, высказанное Ю. Оксманом уже в наше время (1934 г.). Оксман утверждает, что интерес Пушкина к Пугачеву был неизбежным.

«Неизбежность» эта, по мнению Оксмана, заключалась в призраке новой пугачевщины, вставшей «перед Пушкиным во всей своей конкретности и остроте летом 1831 года»¹.

«Призрак пугачевщины» — это уже какой-то психологический фактор. Очевидно Оксмана нужно понимать так: это боязнь Пушкина за свой класс, за классовые привилегии дворянства. Последнее уже никак не может быть связано с именем Пушкина.

Революционно мыслящий Пушкин даже после гибели декабристов говорил: «Я гимны прежние пою». Мог ли такой Пушкин вынужденно заняться историей «пугачевщины»?

Можно предположить, что, по Оксману, Пушкин своей «Историей Пугачева» хотел помочь своему классу, создав какое-то предупредительное средство, дать в руки дворянства какое-то противодействие против народного протеста. Это просто нелепость.

Пушкин был ярким противником крепостничества. Он шел за декабристами. При этом следует всегда помнить, что В. И. Ленин дал положительную оценку декабристам, назвав их дворянскими революционерами.

Не «случайно» и не в силу какой-то «неизбежности» Пушкин занялся историей Пугачева. И то и другое противоречит правде.

Пугачевым Пушкин начал интересоваться не с 1831 г., а раньше, еще в период михайловской ссылки, о чем было сказано выше.

Можно с полным правом сказать, что Пушкин первый подошел к истории Пугачева и не случайно или неизбежно, а с научных позиций.

Он первый использовал доступные для него исторические материалы, записки современников Пугачева, рассказы оче-

---

¹ Литературное наследство, 16—18, 1934, Ю. Оксман, «Пушкин в работе над «Историей Пугачева», стр. 447.

видцев. Все это использовано творчески, глубоко критически.

Он первый пытался восстановить историческую действительность 1773—1775 годов.

Разнообразие привлеченного Пушкиным для своего исследования материала говорит, во-первых, о кропотливом, упорном собирании фактов, а во-вторых, о длительности сбора их.

Кропотливость, упорство в преодолении препятствий, стремление установить историческую действительность, подтвердить ее фактами, исходить из них, опровергают и «случайность», и «неизбежность», и в то же время говорят о поразительном трудолюбии Пушкина.

Чтобы оценить труд и мужество (именно мужество!) Пушкина по исследованию крупнейшего социального движения XVIII века—крестьянской войны, во главе которой стоял Емельян Пугачев, нужно представить себе действительность 30-х годов XIX века.

«Во время Николая I все вопросы истории дворянской монархии в XVIII веке оставались настолько не устаревшими, что коснуться малейших страниц этой истории, имеющих отрицательное значение с какой бы то ни было точки зрения, казалось властям и социальным верхам покушением на самые основы существования государства и общества»¹.

До Пушкина запрещалось даже говорить о Пугачеве, после Пушкина буржуазные историки вплоть до Платонова и Ключевского сознательно умалчивали о нем. Ни один из буржуазных историков не избрал этой темы для магистерской или докторской диссертации, а Пушкин имел мужество заняться историей Пугачева.

К работе над массовым собранием материалов о Пугачеве Пушкин приступил вплотную в конце 1832 или в начале 1833 года. Скрывая свои истинные планы и намерения, он просил у властей разрешения о допуске его к архивам военного министерства для написания биографии Суворова. Задолго до этого поэт просил позволения у Николая I разобрать библиотеку Вольтера, находившуюся в Эрмитаже, где могли быть материалы о Пугачеве. Известно, что Екатерина II, ведя переписку с французским мыслителем, сообщала ему в письмах о Пугачеве. В примечаниях к «Истории

---

¹ С. Н. Валк. Советская археография, изд. Академии Наук СССР, 1948, стр. 162.

Пугачева» Пушкин приводит письмо Екатерины к Вольтеру, где она, между прочим, писала: «Я охотно удовлетворю, сударь, ваше желание узнать правду о Пугачеве»¹.

8 февраля 1833 года канцелярия военного министерства спрашивала Пушкина: «Военный министр покорнейше просит Александра Сергеевича Пушкина уведомить его, какие именно сведения нужно будет ему получить из Военного Министерства для составления истории Генералиссимуса, князя Итальянского, графа Суворова Рымникского»².

Ответ военному министру говорит о сокровенных мыслях поэта: документы о Суворове отодвигались на второй план.

Пушкин отвечал: «...следующие документы, касающиеся истории графа Суворова, должны находиться в Архиве Главного Штаба:

- 1) Следственное дело о Пугачеве.
- 2) Донесения графа Суворова во время кампании 1794 года.
- 3) Донесения его 1799 года...»³.

В этом письме были перечислены и другие, малоотносящиеся к первому пункту документы.

Требую документы о Суворове, Пушкин ставит на первое место следственное дело о Пугачеве, которое интересовало его прежде всего.

В феврале 1833 года поэт начал изучать исторические материалы и к июлю полностью закончил исследование архивных документов, рукописей, записок, полученных им из архивов и от частных лиц⁴.

Для «Истории Пугачева» Пушкин исследовал следующее:

- 1) журнал яицкого коменданта Симонова, где Симонов, как очевидец, записывал ежедневно о вылазках, попытках Пугачева взять Яицкую крепость и другие события;
- 2) журналы Мясоедова (журнал осады города Уфы);
- 3) журнал оренбургского генерал-губернатора Рейнсдорна (из Оренбургского архива);
- 4) другие архивные материалы («Помесячные выписи из архивных дел», «архивные документы»);
- 5) документы, относящиеся к истории Пугачева, из бумаг Бантыш-Каменского, Рычкова, из «Истории трех разде-

¹ А. С. Пушкин. П. С. С. в шести томах, т. V, стр. 483, М. 1936.

² Переписка Пушкина, т. III, стр. 5.

³ Пушкин. письма-т. III, М. 1935, стр. 86.

⁴ Там же, стр. 87, 89, 93—94.

лов Польши». Значительно позже — выписки из собрания законов¹.

В материалах Пушкина имеются два документа, написанные современниками крестьянской войны: 1) «Оборона крепости Яика от партии мятежников» — неизвестного автора и 2) «Прибавление о ... Пугачеве из дневных записок 1773 года, города Оренбурга» — священника Ивана Осипова, находившегося в осажденном Оренбурге.

¹Пушкина снабжали также редкими рукописями и материалами. В его распоряжение отдал свои записки И. И. Дмитриев, некоторые сведения сообщил баснописец Крылов, отец которого находился в Яицкой крепости при осаде её Пугачевым.

Кроме этого, Пушкин имел две рукописи, одна из них называлась: «Известие о самозванце Пугачеве», вторая — «Записка полковника Пекарского о бунтах яицких... и о... Пугачеве».

Первая рукопись написана неизвестным автором после крестьянской войны, о чем можно заключить из следующих слов: «От города Оренбурга за 269 верст находится городок, прежде именуемый Яицкой, а ныне Урал»².

Вторая рукопись — «Записка полковника Пекарского», — находилась у М. Сахарова. Под заглавием этой рукописи содержится приписка: «От Мих. Сахарова (для Сына Отечества)». На последнем листе «Записки» приписка Сахарова: «Посылаю записку эту точно в таком виде, как она написана была сочинителем»³.

При написании «Истории Пугачева» Пушкин получил еще три списка копии рукописи Рычкова. Они были доставлены Спасским, Языковым и Лажечниковым.

Пушкину не разрешили пользоваться допросными листами, написанными во время допросов Пугачева следственной комиссией. Не получив разрешения у непосредственных начальников, Пушкин обратился с такой же просьбой к самому Николаю I.

Последовал высочайший отказ. «На что ему эти бумаги? — спрашивал Николай I. — Они лежат в архиве нетронутыми с того времени, когда моя бабка приказала положить их

¹ Пушкин. П. С. С. т. 9 (2), 1940. Весь том содержит материалы к истории Пугачева.

² Там же, стр. 579.

³ Там же, стр. 598—616.

туда, собственноручно их запечатав. Даже я их не читал. Пушкин может обойтись без них. Не пожалеет ли он извлечь отсюда скандальный материал в параллель песне «Дон-Жуана», в которой Байрон обесчестил память моей бабки? Ну, нет!!!». Министр точно передал слова царя поэту, и Пушкин, знавший деспотический характер и выходки императора, иронически удивился николаевской эрудиции:

«Я не думал, что он прочел «Дон-Жуана» Байрона», — сказал Пушкин¹.

Пушкин начал собирать материалы и приступил к их исследованию еще до своей поездки на Восток. Не без основания можно утверждать, что значительная часть работы о Пугачеве была написана, Пушкиным вчерне еще в Петербурге.

Но Пушкин не удовлетворился имевшимися в его распоряжении материалами, ему казалось, что архивного материала и рукописей недостаточно. Он хотел побывать на местах сражений, найти живых свидетелей, участников и очевидцев крестьянской войны, как из помещичьего лагеря, так и особенно из народа. Пушкин тщательно собирал созданные народом сказания и были о крестьянской войне и её руководителе. Эти сведения Пушкин собирал только среди народа.

Взятые из народных источников материалы значительно дополнили имевшиеся в распоряжении Пушкина факты, собранные им по документам враждебного Пугачеву и народу лагеря (официальные учреждения, слуги самодержавия, крепостники-помещики и т. д.). И не только это. Материалы устного народного творчества контролировали материалы официального и помещичьего происхождения. Критически сопоставляя те и другие, Пушкин упорно стремился к достоверности, к исторической правде о событиях 1773—1775 гг. Критический метод работы Пушкина опять-таки опровергает мнения о «случайности» исторического исследования поэта. «История Пугачева» является научным исследованием, она разработана научными методами.

Собрав необходимый материал в столице, 22 июля 1833 года поэт обратился к шефу жандармов Бенкендорфу с письмом: «Генерал, обстоятельства вынуждают меня отправиться вскоре на 2 или 3 месяца в моё Нижегородское имение. Я желал бы воспользоваться этим случаем, чтобы

¹ П. Е. Щеголев. Пушкин и Тардиф. Незданное и неизвестное. «Звезда», 1930, № 7, стр. 239.

съездить в Оренбург и в Казань, которых я еще не знаю. Я прошу его величество дозволить мне осмотреть архивы этих двух губерний»¹.

Шефа жандармов в Петербурге не было, Пушкину ответил управляющий III отделением Мордвинов, ненавидевший поэта:

«Его величество, соизволяя на поездку вашу в Дерпт для посещения г-жи Карамзиной, изъявил высочайшую свою волю знать, что побуждает Вас к поездке в Оренбург и Казань, и по какой причине хотите Вы оставить занятия, здесь на вас возложенные?»².

Пушкин объяснил управляющему III отделением, что последние два года он занимался историческими изысканиями, «не написав ни одной строчки чисто литературной». (В это время Пушкин писал «Дубровского»). Для того, чтобы окончить книгу, ему нужно уединение, а посещение Поволжья необходимо потому, что «большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии»³.

Наконец, 7 августа 1833 года, поэту «всемиловитевейше» разрешен отпуск на четыре месяца для поездки в Поволжье и Оренбургский край. 12 августа Пушкин получил свидетельство об отпуске, а 17-го был уже в дороге. Через Торжок, Ярополец Александр Сергеевич направился в Москву, куда прибыл 25 августа. Встреча с друзьями долго не задержала его здесь, и 29 августа он направился в Нижний, где четыре дня спустя после отъезда из Москвы осматривал уже исторические древности.

Нижегородский военный и гражданский губернатор Бутурлиң к путешественнику отнесся подозрительно. Бутурлиң с беспокойством пишет оренбургскому губернатору Перовскому: «У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная кто он, обласкал его, но должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами о Пугачевском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения об неисправностях. Вы знаете моё к Вам расположение — я почел долгом Вам посоветовать, чтобы Вы были осторожнее»⁴.

«Обласканный» Бутурлиным поэт 3-го сентября отправил-

---

¹ Пушкин. Письма, т. III, стр. 94 (перевод, стр. 593).

² В. Я. Брюсов. Письма Пушкина и к Пушкину, М. 1903, стр. 72.

³ Пушкин. Письма, т. III, стр. 95.

⁴ Русский Архив. 1865, стр. 1213—1214.

ся в Казань. Мысль о работе над Пугачевым не покидала Пушкина. На второй день по приезде в Казань, шестого сентября, он принялся за работу над седьмой главой «Истории Пугачева» (подтверждается пометкой на рукописи).

В Казани Пушкин встретился с Баратынским. Эта случайная встреча послужила поводом для утверждения Дениса Давыдова, что Пушкин и Баратынский вместе собирают материалы. Из своего имени Маза, Сызранского уезда, поэт-партизан писал Н. М. Языкову: «Кстати о Пушкине; знаете, что я слышал от людей, получивших письма из Казани? В Казани были Пушкин и Баратынский, отыскивающие сведения о Пугачеве. Из этого я заключаю, что они в союзе для сочинения какого-нибудь романа, в котором будет действовать Пугачев. И так вот решение загадки появления Пушкина в нашей и в Оренбургской губерниях»¹.

В Казани Пушкин решил осмотреть места в городе и его окрестностях, где происходили бои правительственных войск с восставшими и особенно то место, где Пугачев стоял лагерем под Казанью, во время подхода к ней. Это место находилось в десяти верстах от города по Симбирскому тракту. Пушкин осмотрел его, побывал на Арском поле, осмотрел Казанский кремль и места сражений, интересуясь не только историческими местами пребывания Пугачева в самой Казани и ее окрестностях, но и живыми свидетелями крестьянской войны. Пушкин встретился с казанским купцом Крупениковым, 76-летним стариком, который двадцатилетним юношей попал в плен к Пугачеву. Старик сообщил много интересного Пушкину, но записей рассказа Крупеникова в бумагах Пушкина не сохранилось².

В Казани Пушкин познакомился со знатоком местного края К. Ф. Фуксом и его женой, поэтессой и писательницей, Александрой Андреевной. А. А. Фукс в своё время были посвящены стихи Н. М. Языковым, Баратынским, ее салон посещали местные литераторы Второвы (отец и сын), Ознобишин и другие.

К. Ф. Фукс, очевидно, сообщил немало любопытного Пушкину, недаром отметившему в примечаниях в восьмой главе «Истории Пугачева»: «Слышано много от К. Ф. Фука, доктора и профессора медицинских наук при Казанском университете, человека столь же ученого, как и любезного и

¹ Русская Старина. 1884, № 7, стр. 143—144.

² В. Вересаев. Спутники Пушкина, т. II, 1937, стр. 404.

снисходительного. Ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описанных»¹.

По просьбе Пушкина К. Ф. Фукс четыре года собирал рукописные материалы, записывал рассказы старожилов и очевидцев Пугачева, но Пушкину этими записями воспользоваться уже не пришлось.

Казанью поэт остался доволен. Здесь он получил новые сведения о Пугачеве, познакомился с местами сражений и современниками, видевшими Пугачева. «Здесь я возился со стариками-современниками моего Героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону», — писал Пушкин жене².

Не задерживаясь в гостеприимной Казани, Пушкин спешил в новые места за материалами о своём герое. Рано утром 8 сентября поэт покинул Казань и через Сентово, Бурундуки, Сибирги, Буинск и Шумовку направился в Симбирск.

9 сентября он был принят симбирским губернатором Загрязским. Симбирск интересовал Пушкина: в этом городе Пугачев был дважды. Первый раз Пугачева, арестованного в Малыковке, везли через Сызрань, Симбирск в Казань в декабре 1772 года; после разгрома крестьянской армии пойманного Пугачева второй раз привезли в Симбирск в начале октября 1774 года, где он и пробыл почти до конца месяца.

Пушкина привлекал Симбирск еще и потому, что здесь родились и провели свои юношеские годы его близкие друзья: декабрист Н. И. Тургенев, друг Пушкина и брат декабриста А. И. Тургенев, русский историограф Н. М. Карамзин и поэт Н. М. Языков³.

В Симбирске, как и в Казани, поэт прежде всего начал

---

¹ А. С. Пушкин, П.С.С. в шести томах, т. V, М, 1936, стр. 461.

² Пушкин. Письма, т. III, М, 1935, стр. 102.

³ В 1913 году в журнале «Нива» № 36, была опубликована статья симбирского краеведа Н. А. Державина, «А. С. Пушкин в Симбирской губернии». В целом статья путанная, а в отдельных местах утверждения автора просто не соответствуют действительности. Например, утверждение автора, что главной целью поездки Пушкина в Поволжье было «...желание поэта отдохнуть от сутолоки и треволений столичной жизни» (стр. 715).

О пребывании Пушкина в Симбирской губернии имеются две статьи В. Поливанова: «Село Языково», «Пушкин в Симбирске», помещен. в «Историческом Вестнике», 1896, № 12, и в 1899, № 8.

разыскивать старожилов, современников войны, видевших Пугачева.

К. И. Короткова, видевшая Пушкина в Симбирске в доме губернатора, писала: «Однажды осенью (1833 года, между 8—14 сентября) во время урока танцев по зале пронесся слух, что приехал сочинитель А. С. Пушкин. . . Пушкин, как говорили тогда, приезжал в Симбирск за разысканием материалов для своей истории Пугачевского бунта и, конечно, к своему удовольствию мог их найти немало потому, что и я помню в Симбирске ещё живых свидетелей этого бунта; в самом Симбирске жил 80—83-летний невзрачный старичок Шувалов. . ., в доме которого и я часто бывала. . .»

Мы, бывало, усядемся на скамеечке у его ног и слушаем его рассказы про старое время, про Пугачева, у которого он был фореитором. Шувалов удостоился такой чести, вместо того, чтобы быть убитым с прочими помещиками, за то только, что «показался Пугачеву через меру плюгавым».

Шувалову тогда было 16 лет от роду. К этому пугачевскому фореитору, как я тогда слышала, сделал свой визит Пушкин, очевидно, желая послушать его рассказы о Пугачеве»¹.

В Симбирске поэт встречался и с другими людьми, свидетелями прошлого.

Проезжая через Симбирск, Пушкин не мог не заехать к своему старому товарищу и другу Н. М. Языкову, посетившему в свою очередь когда-то Пушкина в михайловской ссылке.

Н. М. Языков жил в своем имении, в селе Языкове, Карсунского уезда, в 65 верстах от Симбирска. Село расположено было в версте от Московского большого тракта, в живописной местности на берегу реки Урень.

Недаром сам Языков восхищался природой, окружавшей его усадьбу:

«Зову на светлый пруд, туда, где тень густую
Сложил к водам нагорный сад. . .»².

В село Языково Пушкин прибыл 11 сентября, но не застал дома Николая Михайловича, а нашел там старшего брата его Петра Михайловича, «. . . человека чрезвычайно

---

¹ Литературный Вестник, т. II, кн. VI, 1901, стр. 180.

² К столетию рождения Н. М. Языкова. Симб., 1903, стр. 10.

замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнега или Нащёкина»¹, — писал поэт жене.

П. М. Языков был человеком весьма образованным для своего времени. Достаточно сказать, что он был создателем «Симбирского музеума», инициатором создания Карамзинской библиотеки куда потом была передана, состоявшая из двух тысяч томов, библиотека Н. М. Языкова. П. М. Языков составил карту почв Симбирской губернии, передал в Симбирский музей большую палеонтологическую коллекцию.

П. М. Языков был женат на сестре декабриста Ивашева — Елизавете Петровне, и сочувственно относился к нему, тревожился за его участь в Сибири.

Сестра Языкова, Екатерина Михайловна, в одном из писем 1836 года сообщала: «Пушкин так расхваливал его (П. М.—Н. Г.) Хомякову, что тот ужасно желает видеть и познакомиться с ним, рассказывая, как он принял Пушкина, когда тот приехал к Вам в Языково, что прежде не хотел даже говорить с ним, но потом так обошелся, что через полчаса они сделались друзьями»².

12 сентября Пушкин покинул Языково и возвратился в Симбирск с тем, чтобы вечером уехать в Оренбург.

В ночь на 13 сентября он действительно выехал из Симбирска на Сенгилей, но, повидимому, оттуда повернул обратно, в Симбирск. «На третьей станции, — писал он жене, — стали закладывать мне лошадей — гляжу нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой... Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? не отъехал и пяти верст. Гора — лошади не везут — около меня человек 20 мужиков. Чорт знает, как бог помог — наконец, взъехали мы, и я воротился в Симбирск»³.

Рано утром 15 сентября Пушкин другой дорогой отправился в Оренбург и на память о Симбирске зарисовал в свою дорожную книжку Смоленскую гору, дом Н. М. Карамзина и церковь с колокольней.

Пушкин объезжал поволжские города, Оренбургский край, осматривал исторические места, связанные с собы-

¹ Пушкин. Письма т. III, 1935. стр. 104.

² Письма Е. М. Языковой о Пушкине. ГАХН, Искусство, 1928, № 1—2, стр. 156.

³ Пушкин. Письма, т. III, М., 1935, стр. 104.

тиями 1773—1775 годов, расспрашивал о них местных жителей, беседовал с современниками этих событий с целью накопления фактов, сбора большого количества материалов.

Правительство не верило Пушкину, следя буквально за каждым его шагом. Секретным распоряжением предлагалось местному начальству зорко наблюдать за поведением поэта 20 сентября 1933 года петербургский обер-полицеймейстер уведомлял нижегородского военного губернатора:

«По высочайше утвержденному положению Государственного совета, объявленному предместнику его предписание господина Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора от 19 августа 1828 года № 2, был учрежден в столице секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением известного поэта, титулярного советника Пушкина, который 14 сентября выбыл в имение его, состоящее в Нижегородской губернии».

Нижегородский военный губернатор не замедлил секретным порядком поставить в известность казанского губернатора о необходимости «учинить надлежащее распоряжение о учреждении за ним (Пушкиным—Н. Г.) во время пребывания его в оной (Казанской губернии—Н. Г.) секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его»¹.

Оренбургский губернатор получил такое же распоряжение, но запоздалое: поэта давно уже не было в Оренбурге.

Пугачев, вернее одно упоминание его имени, даже через 60 лет после крестьянской войны, было ненавистным, имя Пугачева было страшилищем для российского трона.

Поэтому-то так и отвратна была для Николая «затея» Пушкина писать историю «злодея» Пугачева. Революционно настроенный Пушкин в таком деле мог быть небезопасным для самодержца. Царское правительство и устанавливает за поэтом постоянную слежку.

18 сентября, сразу же по прибытии в Оренбург, Пушкин встретился со своим старым знакомым, директором Оренбургского военного училища, К. Д. Артюховым. В тот день Пушкин уехал на дачу к губернатору Перовскому, в доме которого и ночевал.

Познакомившись с чиновником особых поручений, писателем В. И. Далем, Пушкин вместе с ним и Артюховым от-

---

¹ Русская Старина. 1882, январь, стр. 225.

правился для осмотра Оренбургской крепости, где 60 лет назад развертывались боевые действия восставших.

Особый интерес представляла, конечно, слобода Берда, резиденция Пугачева во время осады им Оренбурга. О посещении Пушкиным слободы Берды свидетельствует один из краеведов Оренбургского края: «Сидя на крылечке казачьей избы, Пушкин собрал вокруг себя казаков и казачек, слушал их песни, смотрел хороводы. Чудная панорама природы, лихие казачьи песни, относительная свобода, всё это вызывало в Пушкине веселость»¹.

Тут же поэт расспрашивал стариков о Пугачеве. Многие из них попрежнему верили, что Пугачев был действительно царем Петром Федоровичем, а не самозванцем. Характерны в этом отношении слова одного из стариков, делившихся с Александром Сергеевичем воспоминаниями о прошлом. «Для кого Пугач, ваша милость, а для меня царь-батюшка, Петр Федорович»².

В слободе Берде Пушкин встретил 75-летнюю старуху Бунтову, она хорошо помнила крестьянскую войну 1773—1775 годов. «В деревне Берде, — писал поэт жене, — где Пугачев простоял 6 месяцев. . . , нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от неё не отставал. . . »³.

Во время крестьянской войны Бунтовой было около пятнадцати лет.

Она жила в то время в крепости Нижне-Озерной. Некоторые исследователи утверждают, что она не только видела осаду крепости восставшими, но даже «была любовницей Пугачева»⁴.

Пушкин подробно расспрашивал Бунтову о крестьянской войне, о ее руководителях и особенно о главном герое — Пугачеве. Очевидно, расспросы Пушкина взбудоражили старуху, и она не только живо, ярко рассказывала о прошлом, но даже спела несколько пугачевских песен.

Е. З. Воронина, посетившая Бунтову через 2 месяца после пребывания Пушкина, в письме к родным в Москву сообщала: «Верстах в семи от Оренбурга есть деревня Берды, где живет одна старуха, которая знает много подробно-

¹ Русский Архив. 1900, кн. I, стр. 152.

² Там же.

³ Пушкин. Письма, т. III, М, 1935, стр. 105.

⁴ Русская Старина. 1870, № 10, стр. 418.

стей о Пугачеве, и Пушкин ездил туда её расспрашивать. Она рассказала ему много любопытного и даже пела ему несколько пугачевских песен»¹.

Бунтова вначале с опаской отнеслась к Ворониной.

«Начавши говорить нам эти песни, — пишет Воронина, — она вдруг сказала, со слезами на глазах: «Я говорю, а сердце-то у меня не на месте. Кто знает, зачем вы расспрашиваете меня о Пугачеве? А наемднн тоже приезжали господа, и один все меня заставлял рассказывать»².

Из рассказов Бунтовой у Пушкина сложилось представление о внешности Пугачева. Старуха рассказывала о Пугачеве: «Мужик был плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростом не больно высок и не мал».

Пушкин в «Истории Пугачева» писал, что Пугачев «был росту среднего, широкоплеч и худощав»³.

20 сентября поэт из Оренбурга поехал в Уральск, где и пробыл до 23 числа. Здесь его приняли очень хорошо: «Наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду»⁴. К счастью, Пушкин встретил в Уральске Д. Д. Пянова, отец которого очень хорошо знал Пугачева как до, так и во время крестьянской войны.

В последних числах ноября 1772 года Пугачев отправился тайно из Иргизских скитов в Яицкий городок, где первым его встречным оказался Д. Пянов. Д. Пянов пригласил незнакомца к себе отобедать и за обедом спросил у него, правда ли, что в Царицыне появился какой-то царь (самозванец Богомоллов—Н. Г.). Пугачев, не задумываясь, ответил, что это правда и что это не какой-то царь, а сам Петр Федорович. В эти дни Пугачев еще не думал о самозванстве, он пытался облегчить положение яицких казаков, увести их на реку Лобу. Он выдал себя богатым купцом и обещал всем, согласившимся на переселение в Турецкую область по 12 рублей на человека. Пянов по секрету рассказал об этом близким казакам, в том числе Плотникову и Почиталину.

Во время крестьянской войны Пугачев был близок к Пянову, делился иногда с ним своими сокровенными мыслями. Зажиточные казаки, окружавшие Пугачева, часто делали не

¹ Русский Архив. 1902, кн. II, стр. 647.

² Там же.

³ А. С. Пушкин. П. С. С. в шести томах, т. V, 1936, стр. 319.

⁴ Пушкин. Письма, т. III, 1935, стр. 106.

то и не так, как хотел бы Пугачев. Поэтому и понятно ска-
занное во хмело Пугачевым: «Улица моя тесна, — говорил
он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына»¹.

В примечаниях к главе III «Истории Пугачева» Пушкин
писал: «Слышано мною от самого Дмитрия Денисовича
Пьянова, доньне здравствующего в Уральске»².

Уральску Пушкин обязан и многими другими сведения-
ми, о чем он неоднократно упоминает в своей «Истории».

На обратном пути из Уральска в свое нижегородское
имение Пушкин заехал к Языковым. На этот раз все Язы-
ковы были дома. В Языкове, в обстановке самой непринуж-
денной, поэт провел почти два дня. Гостеприимством Языко-
вых Пушкин был так тронут, что обещал еще раз навестить
Симбирские края.

Первого октября поэт приехал в Болдино и сразу же
принялся за окончание своей истории о Пугачеве, о чем пи-
сал жене: «Вот уже неделю, как я в Болдине, привожу в по-
рядок мои записки о Пуг. . .», а через три дня в другом пись-
ме просил передать Плетневу, чтобы он к его приезду приго-
товил переписанные из собрания законов указы, относящие-
ся к Пугачеву за 1773—1775 годы»³.

Из всех этих документов и составились «Материалы к
истории Пугачева»⁴.

В Болдине Пушкин работал очень напряженно над собран-
ными фактами и материалами по крестьянской войне, и к на-
чалу ноября «История Пугачева» была уже написана.

¹ А. С. Пушкин. П.С.С., в шести томах, т. V, 1936, стр. 339.

² Там же, стр. 444.

³ Пушкин. Письма, т. III. 1935, стр. 107, 108.

⁴ В Ульяновском Государственном Архиве имеется редкое издание
«Материалов к истории Пугачевского бунта». На титульном листе напи-
сано: «Сочинения Александра Пушкина. Том шестой». Внизу титульного
листа: «Санкт-Петербург, в типографии экспедиции изготовления госу-
дарственных бумаг. МДССС XXXVIII». На обороте титульного листа
внизу написано: «Печатать позволяется с тем, чтобы по напечатании
было представлено в ценсурный комитет указанное число экземпляров.
Санкт-Петербург. Апреля 3 дня 1837 года. Цензор Никитенко». Второй
лист этой книги озаглавлен: «Приложения к истории Пугачевского бун-
та». В приложениях содержатся указы Екатерины генералу Кару, ка-
занскому и оренбургскому губернаторам, указы военной коллегии, на-
ставление Екатерины II капитану Галахову; сентенция 1775 года января
10 о казни Пугачева и др.; рескрипт на имя Ланина, рапорты Румянца-
ва, письма Нурли-Хана, Бибикова, Панина, Державина. В этой же книге
помещены сказания современников и, в частности, «Летопись Рычкова»,
которая занимает $\frac{3}{4}$ всей книги.

Возвратившись в Петербург, 6 декабря 1833 года Пушкин обратился с письмом к Бенкендорфу: «Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева, но нашел множество материалов, я оставил вымысел и написал историю Пугачевщины. Осмеливаюсь просить через Ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение.

Не знаю, можно ли мне будет её напечатать, но смею надеяться, что исторический отрывок будет любопытен для его величества особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных»¹. К этому письму было приложено стихотворение «Медный всадник», «которое, — пишет Пушкин, — я желал бы напечатать».

Из письма не видно, чтобы Александр Сергеевич вместе с письмом отправил к Бенкендорфу и свою «Историю Пугачева», как это утверждает Т. Зенгер в статье «Николай I — редактор Пушкина»².

Ошибочность утверждения Зенгера устанавливается еще и следующим: в делах III отделения сохранился ответ Бенкендорфа поэту, где Бенкендорф сообщает Пушкину, что все его произведения могут быть напечатаны «по рассмотрении цензуры на общем основании. Что же касается до рукописи вашей «История Пугачевщины», то оную я покорнейше прошу вас доставить ко мне»³.

Пушкин хотел как можно быстрее напечатать «Историю Пугачева». Он жил Пугачевым, мыслями о нем он часто делился со своими друзьями и знакомыми.

В дневнике Пушкина записано: «Встретили новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским о Пугачеве...»⁴. Через две с половиной недели, 17 января 1834 года, на балу у гр. Бобринского Пушкин встретился с Николаем I, зашел разговор о Пугачеве. Царь заметил: «Жаль что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости»⁵.

¹ Пушкин. Письма, т. III, 1935, стр. 107.

² Автор данной статьи утверждает: «в декабре 1833 года, одновременно с «Медным всадником», Пушкин представил через Бенкендорфа Николаю I. Историю Пугачева «для прочтения». См. «Литературное наследство», 16—18, 1934, стр. 524.

³ Переписка Пушкина. т. III, стр. 67.

⁴ А. С. Пушкин, т. V, Критика, История, Автобиография, М — Л, 1933, стр. 827.

⁵ Там же, стр. 828.

Николай I, получив пушкинскую рукопись, взял на себя обязанность цензора и редактора. Он внимательно прочел «Историю Пугачева», удалил «красмольные» слова.

Николай I не мог допустить и мысли, чтобы в печати появились такие выражения, как царские «солдаты бежали», генерал «бежал», или упоминались такие имена как Разин.

У Пушкина в рукописном тексте «Истории Пугачева» было написано: «Таубенберг бежал и был убит у ворот своего дома».

Николаю I не понравилось слово «бежал», и при напечатании оно было выброшено. Генерал Кар жил в своей деревне, «где и умер в начале царствования Александра», — пишет Пушкин. Царь добавил к слову «Александра» слово «император». Выражение «солдаты его» (Валенштерна — Н. Г.) бежали», царем было заменено «отряд его смешался».

Пушкин рассказывает, что в Озерной «старая казачка (Разина) (целый) каждый день бродила над Яиком»... Это место из текста рукописи, по предложению Николая I, было выброшено полностью. На полях рукописи рукою Николая написано: «лучше выпустить, ибо связи нет с делом».

Пушкин не хотел совсем удалять этого замечательного факта и поместил его в примечаниях к шестой главе «Истории Пугачева». Царем были сделаны и другие редакционные «правки», искавшие рукопись Пушкина «История Пугачева». Текст ее восстановлен только в наших советских изданиях. Он полностью освобожден от царских редакционных правок¹.

Разрешая рукопись к изданию, Николай изменил и ее название, данное Пушкиным. Он зачеркнул заглавие «История Пугачева» и взамен его написал «История Пугачевского бунта»: «преступник, как Пугачев, не имеет истории», — заметил при этом царь.

В декабре 1834 года «История Пугачева» была отпечатана в типографии II отделения собственной его и. в. канцелярии. Казалось, что мытарствам Пушкина пришел конец. Однако нет. Без разрешения Бенкендорфа и управляющего III отделением Мордвинова Александр Сергеевич не мог получить ни одного экземпляра своей книги. Царю доложили: «Книга сия ныне напечатана, но экземпляры оной могут

¹ См. об этом «Литературное наследство», 16—18, 1934, стр. 514—536.

быть выданы Пушкину не иначе как с разрешения вашего величества». На этом докладе Николай написал: «Можно выдать ежели ничего другого нет как то, что я читал»¹.

Типография задержала выдачу книг до тех пор, пока напечатанное не сверили с подлинником и царскими замечаниями, а на это ушло немало времени.

Трудно сказать, как русское общество отозвалось на выход в свет «Истории Пугачева». Большинство литературоведов и историков ссылается лишь на дневник Пушкина. В дневнике от 6-го февраля 1835 года есть запись: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже—не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом»².

Если нет подробных и конкретных свидетельств (кроме указанной записи самого Пушкина) об отношении всего русского общества 30-х годов прошлого века к «Истории Пугачева», то достаточно известно, как реагировало на это светское общество, состоящее из крупнейших царских сановников, вельмож и реакционного дворянства.

Это общество было не только раздражено, но взбешено. Мнение «света» единодушно: книга Пушкина возмутительна, содержание книги, направленное против существующего порядка вещей, — недопустимо, ужасно, наконец, просто опасно.

Светскому изысканному обществу приятнее было читать произведения в стиле Павла Сумарокова и подобных ему панегиристов Екатерины II и Николая I.

В 1832 году вышла книга: «Обозрение царствования и свойств Екатерины Великия Павлом Сумароковым». В этом «обозрении» П. Сумароков частично касался и крестьянской войны под руководством Пугачева. Без лютой злобы автор не может произносить имя Пугачева, называет его «извергом», награждает самыми отборными эпитетами.

Поэтому-то в первом черновом наброске предисловия к «Истории Пугачева» Пушкин писал: «Незнание наших историков удивительно.—Г-н Сум(арков) в Ист. Ек. пишет,— что — слово то несправедливость»³.

¹ Русская Старина. 1898, март, стр. 650.

² А. С. Пушкин, т. V, Критика, История, Автобиография, М.-Л. 1933, стр. 850.

³ Пушкин. Временник пушкинской комиссии, 3,- М.-Л. 1937, стр. 9.

Пушкин шел вразрез с мнением этой литературы и всего реакционного дворянского общества.

Появление «Истории Пугачева» в период разнузданного самовластия, в глухой ночи николаевской реакции — подобно молнии. Пушкин правдиво, без всякого славословия или вымысла рассказал о «просвещенном» веке Екатерины II, о крестьянской войне 1773—1775 гг. и о героическом пугачевском восстании. Книга Пушкина не только в исторической науке, но и вообще в истории русской общественной мысли, в истории русской культуры — факт исключительный.

«История Пугачева» явилась темой весьма актуальной, политически заостренной, стала обличительным документом против крепостничества и самодержавия.

Книга Пушкина напоминала господствующему классу о грозных днях крестьянской войны, не только сметавшей дворянские гнезда и самих дворян, но по-серьезному встревожившей самодержавие. Впечатление от нее усиливалось, было особо ошутительным в связи с постоянными крестьянскими волнениями, нарастающими из года в год. Призрак пугачевщины, по меткому выражению Семевского, как *tempesto togá* стоял в глазах русского дворянства во все царствование Николая I.

«Историю Пугачева», конечно, отрицательно встретила и официальная критика, подпевавшая в тон министру графу Уварову—идеологу, обоснователю «божественных» начал российского самовластия его трех китов («Уваровская троица») — православия, самодержавия и народности.

В январском номере «Сына Отечества» за 1835 год, т. е. сразу же после выхода в свет «Истории Пугачева», появилась критическая статья Броневского, автора «Истории войска Донского».

Быстрота реакции официальных кругов и официальной критики на книгу Пушкина дает все основания сделать вывод, что «История Пугачева» взбудоражила общественное мнение. Нужно было срочно успокоить общество, если не полностью, то хотя бы как-то сгладить, смягчить впечатление от книги Пушкина.

Поэтому против «нарушителя общественного спокойствия» и были двинуты официальными кругами все силы — от брани, светской сплетни и пересудов, цензурных комитетов до «тяжелой артиллерии» в лице «историка» Броневского.

Пушкин на критику Броневского ответил обстоятельной и убедительной антикритикой.

В своих критических возражениях Пушкин вскрыл научную беспомощность автора «Истории войска Донского», грубо и преднамеренно исказившего историческую правду, и особо остановился на моральных сентенциях Броневского и его отношении к Пугачеву.

Броневский писал: «Нравственный мир, так же как и физический, имеет свои феномены, способные утратить всякого любопытного, дерзающего рассматривать оные. Если верить философам, что человек состоит из двух стихий, добра и зла: то Емелька Пугачев бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне законов природы рожденным; ибо в естестве его не было и малейшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которые разумное творение от бессмысленного животного отличают. История сего злодея может измучить порочного и вселить отвращение даже в самых разбойниках и убийцах»¹.

Пушкин резко возразил против этих разглагольствований: «Политические и нравоучительные размышления, коими г. Броневский украсил своё повествование, слабы и пошлы и не вознаграждают читателей за недостаток фактов, точных известий и ясного изложения происшествий»².

В этих словах не только достойная и справедливая отповедь Броневскому и другим дворянским историкам, в них суть, смысл отношения Пушкина к событиям 1773—1775 гг. и к Пугачеву, как к народному герою.

И если «История Пугачева» оказалась отрицательно оцененной дворянской историографией, то ее достойно оценили революционеры-демократы, и, в частности, В. Г. Белинский. Белинский был современником поэта, учился на его произведениях. «Живой интерес к истории, — писал В. Иллерицкий, — пробудился у Белинского ещё в годы школьного обучения — в Чембаре и Пензе. Этот интерес возбуждался чтением произведений Ломоносова, Державина, Жуковского и особенно Пушкина, которые уделяли большое внимание исторической тематике»³.

Уже после смерти Пушкина в руки Белинского попадали статьи о Пугачеве других авторов, но такие статьи обычно

¹ А. С. Пушкин. П. С. С. в шести томах, т. V, VI, 1936, стр. 517.

² Там же.

³ Вопросы Истории. 1948, № 7, стр. 4.

цензура не пропускала. В письме к Боткину в 1840 году Белинский писал: «В № 1 выкинули преинтересную статью о Пугачеве — не знаем, что и делать с цензурой — самая кнутобойная и калмыцкая»¹.

В начале 40-х годов Белинский, разбирая творчество А. С. Пушкина, не мог по цензурным условиям подробно остановиться на «Истории Пугачева». Однако, даже в небольшом высказывании проявляется восторженное отношение великого критика к этому произведению. «Об «Истории пугачевского бунта», — писал он, — мы не будем распространяться. Скажем только, что этот исторический опыт — образцовое произведение и со стороны исторической, и со стороны слога. В последнем отношении Пушкин вполне достиг того, к чему Карамзин только стремился. «История пугачевского бунта» показывает, что если бы он успел написать историю Петра Великого, мы имели бы великое историческое создание»².

Буржуазные историки старались избежать в своих исторических исследованиях темы о самом Пугачеве, а о крестьянской войне вообще упоминали лишь вскользь даже в своих университетских курсах.

Даже обычного очерка о Пугачеве не имеет буржуазная историография, не считая одной работы Дубровина.

В послеоктябрьский период (особенно после разгрома школы Покровского) нашими советскими историками и писателями написано сравнительно много о крестьянских войнах XVII—XVIII веков и об их вождях Разине и Пугачеве.

Основываясь на учении классиков марксизма-ленинизма, наши советские историки восстановили подлинную историю прошлого, историю крестьянских войн в России. Товарищ И. В. Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом дал исчерпывающую характеристику крестьянским войнам и их руководителям. Он раскрыл значение этих движений для нашего времени: «Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального

---

¹ В. Г. Белинский. Письма. т. II, стр. 195—196.

² В. Г. Белинский. т. III, М. 1948, стр. 638—639.

гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства...

Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»¹.

Даже не исследователю, а нашему рядовому читателю бросаются в глаза недостатки, часто неверные утверждения и выводы А. С. Пушкина о крестьянской войне под руководством Пугачева.

Так, в частности, свою «Историю Пугачева» Пушкин начал не с анализа общего положения страны, положения крестьянских масс России, угнетенных народов Поволжья, Приуралья, а с положения яицких казаков. Поэтому и движущей силой этого восстания, по Пушкину, были не крестьяне, а яицкие казаки.

Как эта, так и другие методологические ошибки, а также суждения и выводы Пушкина вполне естественны. Пушкин писал «Историю Пугачева» с определенных позиций, позиций прогрессивных, но классовых, дворянских, хотя поэт начинал «расти в сторону демократической революционности».

К числу внешних, формальных причин, объясняющих недостатки «Истории Пугачева», нужно отнести, в первую очередь, тот архивный материал, который был в распоряжении Пушкина.

Документы, бывшие в руках Пушкина, более всего свидетельствовали именно о положении яицкого казачества. Основные документы были предоставлены в распоряжение Пушкина с «высочайшего соизволения» и контроля, т. е. с тщательным отбором. Все, что было предосудительным, неудобным для самодержавия, из числа документов было отобрано, и Пушкину предоставлены были только различные хвалебные рапорты, донесения, доклады правительственных чиновников (губернаторов и иных), или военных лю-

---

¹ И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Госполитиздат, 1938, стр. 8.

дей и казачьей старшины, оборонявших Оренбург и другие города в районе восстания.

Ценнейшие архивные документы о положении России перед событиями 1773—1775 гг. и во время этих событий Пушкину не были даны, а следовательно для него они остались неизвестными. Они стали доступными для исследователей только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Пушкин был хорошо знаком с печатными работами реакционных историков, к которым он относился критически и с которыми он вел борьбу.

В своей работе Пушкин остановился и на происхождении яицкого казачества, и на его положении в XVIII веке, перед крестьянской войной, и указал на бесправное положение широких масс яицкого казачества в царствование Екатерины II. Такие выражения, как «самовольные налоги и нарушение старинных прав», «чиновники, посылаемые к ним для рассмотрения их жалоб, не могли или не хотели их удовлетворить», «казаки неоднократно возмущались» — свидетельствуют о том, что Пушкин пытался выяснить причины участия казаков в восстании под руководством Пугачева.

Пушкин справедливо пишет о борьбе между рядовыми казаками и старшиной, о поддержке и защите казацкой старшины правительством. Когда беднейшие казаки послали своих ходоков в столицу жаловаться на старшину, они «по повелению президента военной коллегии графа Чернышева схвачены в Петербурге, заключены в оковы и наказаны как бунтовщики»¹.

По цензурным условиям Пушкин не мог подробно остановиться на восстании яицких казаков в 1771 году, но отметил, что восстание хотя и было подавлено, и восстановлен наружный порядок, «но спокойствие было не надежно». «То ли ещё будет! — говорили прощенные мятежники: так ли мы тряхнем Москвою».

«Казаки все ещё были разделены на две стороны: согласную и несогласную... Тайные совещания происходили по степным уметам и отдаленным хуторам»².

Со второй главы и до конца своего произведения Пушкин повествует уже главным образом только о самом Пугачеве,

¹ А. С. Пушкин. П. С. С. в шести томах, т. V, 1936, стр. 316.

² Там же, стр. 316.

и повествует не холодно, не равнодушно, а живо, убедительно.

И не злодеем и зверем, жаждущим крови, рисует он его, а человеком смелым, способным, не теряющим самообладания в самые опасные и тяжелые минуты, «предприимчивым и деятельным мятежником», снискавшим любовь простого народа. Много ярких фактов из жизни и борьбы Пугачева сообщает Пушкин.

«Утром, — пишет он, — Пугачев показался перед крепостью.

Он ехал впереди своего войска. «Берегись, государь, — сказал ему старый казак, — неравно из пушки убьют».

«Старый ты человек, — отвечал самозванец, — разве пушки льются на царей?»¹.

Казак оберегал руководителя восстания, в то время как комендант Нижне-Озерной «Харлов бегал от одного солдата к другому и приказывал стрелять».

Другой факт. Когда армия восставших подошла к Оренбургу и начала обстрел города, Пугачев с тысячьо отборных людей, «закравшись в погреба выжженного предместья, почти у самого вала и рогаток», открыл стрельбу по неприятелю. Не один раз во время осады Оренбурга Пугачев с небольшим отрядом приближался к оренбургским рогаткам.

Пушкин отмечает и высокое военное искусство, каким обладал Пугачев. Крепость Татищева, где находился Пугачев со своей армией, была укреплена по всем правилам военного искусства, что немало удивило подошедшего с войсками к крепости Голицына.

«Распоряжения Пугачева удивили князя Голицына, не ожидавшего от него таких сведений о военном искусстве»².

О размахе восстания, его мощи, незаурядном военном таланте Пугачева Пушкин говорит неоднократно.

Его поражало умение Пугачева выходить из самого, казалось бы, безвыходного положения. Немало царских генералов в период отступления восставших предполагало, что для подавления восстания нужно немного усилий. Отдельные отряды восставших крестьян подвергались жугким разгромам, сам Пугачев с непосредственно предводительствуемыми им отрядами также не один раз терпел поражения от правительственных войск, но буквально в несколько дней собирав

¹ А. С. Пушкин. П. С. С. в шести томах, т. V, 1936, стр. 336.

² Там же, стр. 368.

и сплачивал разбитые отряды, заново создавал крестьянскую армию и беспощадно громил угнетателей.

Узнав, что Пугачев снова разгромлен у Троицкой крепости генералом Декалонгом, Михельсон решил пойти к Варламову, навстречу разбитым и отступающим отрядам восставших. Утром 22 мая 1774 года он увидел «стройное войско... и принял его... за корпус генерал-поручика и кавалера Декалонга»¹.

Глубоким сочувствием поэта к Пугачеву дышит рассказ о взятии восставшими Казани: «Так бедный колодник, за год тому бежавший из Казани, отпраздновал своё возвращение»².

Не случайно приведены Пушкиным слова: «Разве я разбойник?», — с болью сказанные Пугачевым своим бывшим соратникам, затем вероломно напавшим и предавшим его из-за спасения своей жизни³.

Пушкин дает много примеров высокой человечности Пугачева. Руководитель восстания не один раз (даже в периоды напряженнейшей борьбы) щадил дворян-офицеров, которые не потеряли человеческого облика, по-человечески отнеслись к солдатам.

Как-то солдаты заступились за капитана Башарина, им Пугачев сказал: «Коли он до вас добр... то я его прощаю»⁴.

Пушкин трогательно описывает сцену встречи в Казани Пугачева со своей семьей, арестованной по распоряжению правительства. «Самозванец, увидя их, сказывают, заплакал, но не изменил самому себе»⁵.

Пугачев жил для народа, берег и уважал простых людей, но зато он презирал и ненавидел тех, кто обирал народ, унижал его достоинство. Расправляясь с угнетателями, уничтожая их богатства, восставшие не касались крестьянской собственности.

К угнетателям крестьян, казацкой бедноты, мелкого посадского люда Пугачев всегда был беспощадным. Особенно ненавидел Пугачев богатых дворян, он презирал их и издевался над ними, даже будучи их пленником.

Пугачева привезли в Симбирск. Панин, в присутствии своего штаба, начал допрос: «Кто ты таков? — спросил он

¹ А. С. Пушкин П. С. С. в шести томах, т. V, 1936, стр. 384.

² Там же, стр. 397.

³ Там же, стр. 413.

⁴ Там же, стр. 350.

⁵ Там же, стр. 397.

у самозванца. — Емельян Иванов Пугачев, ответил тот. — «Как же смел ты, вор, назваться государем? — продолжал Панин. — Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон ещё летает. . .

Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клок бороды»¹.

В конце октября 1774 года Пугачева увезли в Москву, где «встречен он был многочисленным народом, недавно ожидавшим его с нетерпением. . .»².

На монетный двор, где сидел Пугачев, приходили люди, чтобы посмотреть на него. «Старые люди ещё рассказывают о его смелых ответах на вопросы проезжих господ»³.

В другом месте Пушкин записал не менее интересный эпизод, относящийся тоже ко времени заключения Пугачева. На монетный двор как-то пришел симбирский помещик и, подойдя к Пугачеву, «стал осыпать его укоризнами». Помещик «был очень дурен лицом, к тому же и без носу. Пугачев, посмотрев на него, сказал: «Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал»⁴.

Все эти, даже отдельно взятые факты, говорят о том, что, несмотря на все цензурные преграды, Пушкин сумел нарисовать образ народного героя таким, каким он был и каким его помнил народ.

В том же плане Пушкин говорит о соратниках Пугачева. Хлопушу он наделяет эпитетами: «смелый каторжник», «славный каторжник», «смышленный каторжник», который, отправясь на уральские заводы, поднял на борьбу рабочих людей, организовал производство оружия, пересылая «Пугачеву пушки, ядра и порох, умножая свою шайку приписными крестьянами и башкирцами»⁵.

Пушкин нарисовал яркую картину участия в восстании рабочих людей Урала, их классовую ненависть и борьбу с угнетателями. Глубоко изучив ход крестьянской войны, Пушкин распознал и союзников Пугачева. В «Пропущенной гла-

¹ А. С. Пушкин, П. С. С. в шести томах, т. V, 1936, стр. 415.

² Там же, стр. 416.

³ Там же, стр. 416.

⁴ А. С. Пушкин. Критика, История, Автобиография, т. V, М., 1933, стр. 779.

⁵ А. С. Пушкин. П. С. С. в шести томах, т. V, стр. 333, 367, 370.

ве» из «Капитанской дочери» поэт рассказывает, как Гринев ночью, переправляясь через Волгу, увидел плот с тройной виселицей, плывущей по реке, на которой были повешены старый чуваш, русский заводской рабочий и крепостной крестьянин¹.

«Только в наши дни, — пишет Д. Благой, — исследователи с изумлением распознали, что в этом как будто бы случайном образе Пушкин пластично показал массовых союзников Пугачева — основные движущие силы крестьянской революции XVIII в.»

«История Пугачева» дает и общую картину восстания, рассказывает о движении и боевых действиях всей крестьянской армии и ее отрядов, говорит об отдельных районах восстания, о непосредственном участии народных масс в крестьянской войне, о сочувствии народа к восставшим и к Пугачеву с первых же дней восстания.

Пугачев подошел с небольшим отрядом к Яицкому городку, комендант крепости побоялся вывести весь гарнизон против восставших потому, что «жители готовы были взбунтоваться»².

Во многих крепостях казаки и солдаты восторженно встречали Пугачева с хлебом-солью, вливались в его армию. «Пугачев усиливался: прошло две недели со дня, как явился он под Яицким городком с горстью бунтовщиков, и уже он имел до трех тысяч пехоты и конницы и более 20 пушек»³.

Указы, умело написанные простыми, но живыми народными словами, действовали подобно искрам, попавшим в легко воспламеняющийся материал: народ восставал и шел к Пугачевым. «Первое возмутительное⁴ воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или публикации Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов»⁵.

Восстание распространяется на все Поволжье, всколыхнулись народные массы в центральных районах России. «С часу на час ожидали общего возмущения яицкого войска; башкирцы... начали нападать на русские селения и кучами

¹ А. С. Пушкин. П. С. С. в шести томах, т. IV, М. 1940, стр. 629.

² А. С. Пушкин. П. С. С. в шести томах, т. V, стр. 322.

³ Там же, стр. 330.

⁴ Агитационное.

⁵ А. С. Пушкин, П. С. С. ... т. V, стр. 488.

присоединяться к войску бунтовщиков... Мордва, чувашаи, черемисы перестали повиноваться русскому начальству. Господские крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскоре не только Оренбургская, но и пограничные с нею губернии перешли в опасное колебание»¹.

В другом месте читаем: «С каждым днём силы Пугачева увеличивались: войско его состояло уже из двадцати пяти тысяч; ядром оного были яицкие казаки и солдаты... Около них скопилось неимоверное множество татар, башкирцев, калмыков, бунтующих крестьян»².

Вся эта разрозненная масса, объединенная ненавистью к угнетателям, помещикам, русским колонизаторам, несмотря на то, что была вооружена, по меткому выражению Пушкина, чем попало: «...кто копьем, кто пистолетом... Иным розданы были штыки, наткнутые на длинные палки; другие носили дубины, большая часть не имела никакого оружия»³, шла вперед и побеждала регулярные, хорошо вооруженные императорские войска.

Слухи о восстании быстро расходились по всей стране. Во многих местах с нетерпением ожидали народного вождя.

Бибиков, назначенный Екатериной II главнокомандующим войсками, направленными на подавление крестьянского восстания, по пути в Казань проездом остановился в Москве и «нашел старую столицу в страхе и унынии... множество дворян бежало в Москву из губерний, уже разоряемых Пугачевым, или угрожаемых возмущением. Холопья, ими навеянные, распускали по площадям вести о вольности и об истреблении господ. Многочисленная московская чернь... с явным нетерпением ожидала Пугачева»⁴.

Появление Пугачева в новых районах подымало на борьбу все более и более широкие массы крестьянства, угнетенные народы Поволжья.

Отступление Пугачева, его отход по правому берегу Волги, не только не охладил народ, не затушил бурю, а наоборот, с новой силой всколыхнул народные массы Симбирской, Пензенской, Саратовской и других провинций. Указы Пугачева били в цель.

¹ А. С. Пушкин. П. С. С., т. V, стр. 330.

² Там же, стр. 337.

³ Там же, стр. 337.

⁴ Там же, стр. 347.

Пушкин дал очень яркую характеристику движения Пугачева в этих районах: «Переправа Пугачева произвела общее смутение. Вся западная сторона Волги восстала и предалась самозванцу. Господские крестьяне взбунтовались... Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отовсюду приводила к Пугачеву. Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли». В другом месте: «Пугачев бежал; но бегство его казалось нашествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такой силой. Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции. Довольно было появления двух или трех злодеев, чтоб взбунтовать целые области»¹.

Наряду с описанием восстания и восставших Пушкин описывает мероприятия и действия правительства, отдельных правительственных начальников, усмирявших народ. Если бы не общие условия николаевского режима, не строжайшая и притом «высочайшая» цензура, то можно предположить, что из «Истории Пугачева» мы узнали бы и о Екатерине, и о её вельможах, и военачальниках гораздо больше, чем знаем сейчас. Но даже и то, что сказано Пушкиным, достаточно красноречиво говорит о слабости правительства. В отдельных высказываниях Пушкина о правительственных мероприятиях нередко слышна ирония, иногда скрытая, иногда прямая, острая. В «Заметках к «Истории Пугачева» поэт писал: «Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к достижению своей цели.

Правительство со своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно»².

Тупого, бездарного оренбургского генерал-губернатора Рейнсдорпа Пушкин едко высмеял. Воззвания Рейнсдорпа были писаны «темным и запутанным слогом», неверные приметы о Пугачеве, сообщаемые в публикациях, вызывали только веселый смех у восставших, они «потом торжествовали, укоряя его (Рейнсдорпа—Н. Г.) в клевете».

К Пугачеву приводили группами помещиков, офицеров, к нему перебежали казаки из осажденного Оренбурга, и в

¹ А. С. Пушкин. П. С. С., т. V, стр. 400, 401.

² Там же, стр. 496.

лагере восставших никогда не ощущалось недостатка в «языке». Оренбургский же губернатор для того, чтобы до-стать и привести «языка» высылал «иногда до тысячи чело-век, и то нередко без успеха». Бессильный в борьбе с про-тивником, потеряв голову, Рейнсдорп не предпринял ни од-ной разумной меры против Пугачева. «Вздумал он¹, по со-вету Тимашева, расставить капканы около вала, и как вол-ков ловить мятежников, разъезжающих ночью близ города. Сами осажденные смеялись над сею военною хитростию»².

В самом Оренбурге хотя и было много военных сил, но по утверждению Пушкина «между военными начальниками не было ни единого, знавшего своё дело».

Не лучшие отзывы читаем мы в «Истории Пугачева» и о генерале Каре и о других военачальниках. «Должно ска-зать о том, что редкий из тогдашних начальников был в со-стоянии управиться с Пугачевым или с менее известными его сообщниками»³.

Ненадежны были и солдаты — их сдерживала только па-лочная дисциплина. Но и она не помогала: при каждом удоб-ном случае солдаты присоединялись к восставшим. «Солда-ты... сражались неохотно, а казаки на самом месте сражения могли соединиться с мятежниками»⁴. Сам главнокомандую-щий Бибиков «сомневался в духе своего войска. В одном из полков (во Владимирском), оказалось, были приверженцы Пугачева»⁵.

Пушкину было понятно моральное состояние царских сол-дат, понятно, что крестьяне, одетые в шинели, запуганные палочной дисциплиной, иначе поступать и не могли.

Пушкин создал выдающееся историческое произведение. Пушкин не был придворным историком. Он писал для наро-да, в народе находил свою великую творческую силу.

Пушкин в условиях того времени провел исключительно трудное и сложное историческое исследование. Провел не в кабинете, не априорно, а научно, на широкой основе фактов, собирая их, к сожалению, под бдительным оком Бенкендорфа и николаевских губернаторов, не только в Петербурге, но, главным образом, непосредственно на местах событий 1773—1775 годов, в народных низах.

¹ Рейнсдорп.

² А. С. Пушкин. П. С. С. ... т. V, стр. 351—352.

³ Там же, стр. 398—399.

⁴ Там же, стр. 334.

⁵ Там же, стр. 361—362.

Пушкин с огромной художественной силой правдиво рисует восстание народных масс против самодержавия и крепостников. Он показывает остроту классовых противоречий, неизбежность крестьянских восстаний. Он пытается осмыслить народные революционные движения.

● В этом огромная заслуга Пушкина. Его «История Пугачева» должна занять и занимает подобающее место в нашей русской историографии.

Крупнейшее из социальных движений XVIII в., во главе которого стоял Емельян Пугачев, первым своим историком имеет великого русского гения — Александра Пушкина.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ПУШКИНСКИЙ
ЮБИЛЕЙНЫЙ
СБОРНИК

гөр УЛЬЯНОВСК
1949 г.